

З.В. СИКЕВИЧ, Ю.А. ПОССЕЛЬ

СТРУКТУРА И ТИПОЛОГИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЛЕНОВ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МОНОЭТНИЧЕСКИХ СЕМЕЙ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу этнической идентичности в межэтнических и моноэтнических семьях на примере Санкт-Петербурга и основана на данных социологического исследования. В 2017 г. были опрошены члены 106 межэтнических семей и 45 моноэтнических семей в качестве контрольной группы. Авторы исследования пришли к следующим выводам. У выходцев из межэтнических семей доминирует биэтническая идентичность, в случае принятия моноэтнической идентичности она совпадает с идентичностью русских матерей. В целом у матерей влияние на этническую самоидентификацию детей сильнее, чем у отцов. Это обусловлено доминированием материнской социализации, свойственной национальной традиции, а также тем, что русские матери воспитывают детей в русской культурной среде. Для детей характерно индифферентное отношение к своей этнической идентичности в сравнении с присущим большинству родителей демонстрируемым чувством «национальной гордости». Для всех категорий выборки, за исключением инокультурных отцов из межэтнических семей, важными являются культурные признаки самоидентификации. Инокультурные отцы придают большее значение кровному родству. Основными признаками этнической консолидации для всех участников опроса выступают культурные традиции и родной язык. Национальная идентичность для всех участников опроса, за исключением инокультурных отцов, преобладает над этническим самоопределением. Этнические предубеждения доминируют над конфессиональными. Негативные установки христиан по отношению к мусульманам выражены четче, чем у мусульман к христианам. Наличие этнических предубеждений не связано с членством в межэтнической или

Сикевич Зинаида Васильевна — доктор социологических наук, профессор, кафедра культурной антропологии и этнической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Адрес: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, факультет социологии СПбГУ. **Телефон:** +7 (812) 710-00-77. **Электронная почта:** sikevich@mail.ru

Поссель Юлия Альфредовна — кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Адрес: 191186, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48. **Телефон:** +7 (812) 312-22-28. **Электронная почта:** al-fred1964@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-03-00414.

моноэтнической семье и предположительно обусловлено личностными установками респондентов.

Ключевые слова: идентичность; моноэтническая идентичность; биэтническая идентичность; национальная идентичность; межэтническая семья; этническая консолидация; этническое предубеждение; кровное родство.

Для цитирования: Сикевич З.В., Поссель Ю.А. Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ) // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 1. С. 121–136. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6282

Постановка проблемы, цель и задачи исследования, выборка

В жизни современного общества влияние этнического фактора не только не снижается, но даже, как это ни парадоксально, возрастает. К числу общих причин повышения его значимости можно прежде всего отнести:

1. Усилившееся в силу внешней миграции «смешивание» этнических групп, формирующих в этноконтактной среде потенциально конфликтогенную ситуацию, обусловленную в первую очередь различием, а иной раз и противоположностью систем ценностей, в частности, в сфере социализации подрастающего поколения.

2. Доминирование не только в теории, но и в социальной практике убеждения, что любой человек независимо от своих культурных норм и традиций способен стать носителем универсальных ценностей.

В России ситуация несколько иная, что обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, РФ присуще численное преобладание коренных этнических групп над переселенческими группами, которые к тому же по стране исхода преимущественно относятся к постсоветскому пространству.

Во-вторых, наличествует длительный исторический опыт межэтнического взаимодействия, и, в частности, опыт советской национальной политики, имевшей среди характерных черт не только идеологическое давление, но и свои достоинства. Идея «дружбы народов» сформировала особый тип межэтнического сосуществования, выразившийся не только в уважении к согражданам иной этнической принадлежности, но и в фактическом безразличии на уровне восприятия «национальности» советского человека. Вопрос вероисповедания не стоял вообще в силу преобладания идеологии атеизма.

Подобная установка группового сознания способствовала заключению смешанных межэтнических браков. Численность этносмешанных семей, по данным последней советской переписи 1989 г., составила в СССР 19,7% (2010 г. — 12%), хотя распространенность таких пар

существенно различается у представителей различных этнических групп, проживающих в России [7, с. 96–123].

Представляется, что этот факт трудно переоценить. Ведь именно готовность человека вступить в брак с представителем иной национальности, создать с ним семью и родить детей является высшей формой преодоления этносоциальной дистанции, то есть толерантной установкой «в чистом виде».

Проблемные вопросы. Насколько эта установка сохранилась и в постсоветский период? Как формируется этническая идентичность в межэтнической семье по сравнению с семьей моноэтнической? Каково и велико ли влияние родителей разных национальностей на процесс этнической самоидентификации детей? Существуют ли значимые различия между формированием этнической идентичности выходцев из этносмешанных и этнооднородных семей?

Этими вопросами, сформулированными в виде конкретных *задач*, мы руководствовались в ходе исследования.

Проблематика, связанная с изучением этнической идентичности потомков смешанных браков, в отечественной и зарубежной науке вызывает достаточно большой интерес, о чем свидетельствует солидное число научных публикаций. В отечественной науке особенности этнической социализации рассматривались в работах В.Т. Ананьиной, Т.Л. Боковой, А.Г. Волкова, З.М. Гаджимурадовой, М.М. Магомедовой, Л.А. Деловой, С.Р. Касымовой, К.В. Ким, С.В. Корнеевой, В.В. Мархина, О.В. Осадчего, О.В. Осиповой, Б.Н. Попова, З.Л. Сизоненко, А.А. Сусоколова, А.В. Топилина, С.К. Уалиевой, М.М. Шахбановой, Е.В. Шишкиной и др.

Роль семьи в формировании идентичности ребенка отражена в исследованиях А. Акоста, Е.М. Галкиной, А.М. Грачевой, А.Я. Зарицова, Т.В. Казаковой, Дж. Найта, Т.Г. Стефаненко, Ф.С. Файзуллина.

В последние годы появляются публикации, посвященные анализу особенностей идентичности потомков смешанных браков из различных регионов страны — Башкирии, Дагестана, Якутии, Татарстана и др.

Теоретическая гипотеза. С нашей точки зрения, этничность как один из основных статусов человека, устойчива и первична по отношению к другим символическим полям, приобретаемым человеком по мере взросления. Однако интенсивность переживания этничности (ее востребованность, степень выраженности) может конструироваться как внешними социальными обстоятельствами, так и внутренней установкой человека, формируя этническую идентичность. Для потомков смешанных браков она характеризуется периферийностью, вариативностью, нестабильностью, динамичностью, конфликтностью, приоритетностью субъективных признаков [4, с. 47–52]. В межэтнической семье родительское влияние на формирование этнической идентичности детей происходит с помощью таких механизмов, как идентификация

с родителем, сопереживание, подражание, подкрепление. Оно сказывается в виде переданной ребенку этнокультурной ориентации (монокультурной или бикультурной), этнических ролей, культурных традиций, духовных ценностей, языков родительских этносов [1, с. 166–170].

Общей целью исследования стало выявление этнокультурной обусловленности функционирования межэтнической семьи как одного из факторов стабильности в многонациональном российском обществе. *Теоретическая задача* исследования — изучение иерархии социальных идентичностей и составление на основе эмпирических фактов типологии системы идентичностей в межэтнической семье.

Исследование проводилось в форме прямого анкетного опроса с использованием процедуры ранжирования социальных идентичностей и контент-анализа вербальных конструкторов, обнаруженных при ответе на открытые вопросы.

Выборка формировалась методом «снежного кома». Критерий отбора — семья, состоящая из родителей разных национальностей и «ребенка» в возрасте от 16 до 24 лет (основная выборка). Кроме этого опрашивались этнооднородные семьи, состоящие из двух родителей русской национальности и «ребенка» от 16 до 24 лет (контрольная выборка).

Гипотетически предполагалось, что тип семьи будет влиять на структуру этнической идентичности «детей» и иерархию социальных идентичностей в системе установок. Гипотеза подтвердилась частично.

Опрос проводился в Санкт-Петербурге, так что его результаты могут быть экстраполированы на иные регионы РФ лишь отчасти. Исследование было реализовано сотрудниками лаборатории этнической социологии и психологии факультета социологии СПбГУ (руководитель лаборатории — З.В. Сикевич) осенью 2017 г. (первый этап) и в феврале 2018 г. (второй этап).

Выборка. Первоначально опрошено: родителей — 166 человек (в том числе 87 отцов и 79 матерей); 106 детей. Итого 272 человека. После «ремонта» выборки по соотношению отцов и матерей — 158 человек (79 отцов и 79 матерей); 106 детей. Итого 264 человека.

По национальной принадлежности родителей ситуация следующая:

Отцы — *представители народов Кавказа* / азербайджанцы (6); армяне (7); грузины (6), осетины (2); *представители народов Средней Азии* / казахи (5), киргизы (6), таджики (3), узбеки (7); / *представители национальных республик РФ* / татары (8), буряты (1); *представители народов Центральной и Западной Европы* / венгры, итальянцы, немцы, болгары, турки (по одному человеку), поляки (2), евреи (2), молдаване (4); а также кубинцы (1). В совокупности — 67,3%. Русских — 32,7%.

Матери — армянки (9); казашки (3), татарки (3), еврейки (2), финки (2), бурятки, грузинки, молдаванки, мордва, украинки, белоруски (по одному человеку). В совокупности — 27,5%. Русских — 72,5%.

Таким образом, в опрошенных семьях большинство матерей принадлежали к русской национальности, а большинство отцов — к иноэтническим группам (по отношению к русским).

Как показал анализ данных по отдельным семьям, конкретная национальность родителя лишь незначительно влияла на этническую социализацию ребенка. Важнее оказался сам факт *различной* этнической принадлежности родителей.

Контрольная группа моноэтнических семей составила 127 человек, в том числе 45 детей, 82 родителя. Все — русские. Выбор в качестве контрольной группы русских по этнической принадлежности семей обусловлен численным доминированием именно русских семей в Санкт-Петербурге.

Итого опрошено в совокупности 391 человек.

Результаты исследования

Типология этнической идентичности и отношение к самоидентификации. В нашем исследовании гипотетически предполагалось, что у выходцев из межэтнических семей существует выбор между моноэтнической идентичностью (принятие идентичности одного из родителей), биэтнической идентичностью (принятие идентичности обоих родителей) и отказом от этнической идентичности как таковой.

Моноэтническая идентичность — это своего рода этническая норма. Она носит позитивный характер, однако в гипертрофированной форме приводит к предубеждениям по отношению к представителям других групп и к нетерпимости в социальном взаимодействии.

Биэтническая идентичность предполагает одновременное приписывание себе членства в двух этнических группах, причем такого рода идентичность может приводить как к негативным последствиям («разрыв» между культурами), так и к позитивным (наличие «шва» между культурами), когда человек становится посредником взаимодействия различных культур [2, с. 163].

Отказ от этнической самоидентификации в пользу исключительно гражданской идентичности является третьим типом этнического самоопределения, в некотором смысле атипичного для России как федерации не только территориальных, но и национальных субъектов — республик.

В ходе исследования выяснилось, что более чем половине (52,8%) выходцев из межэтнических семей присуща биэтническая идентичность, причем ее выбор не зависит от этнической принадлежности отца или матери.

Подобный вариант в контрольной группе не встречался вообще. 33,0% «детей» из смешанных семей заявили о своей моноэтнической идентичности — в подавляющем большинстве случаев (93,1%) русской (в контрольной группе 84,2% респондентов отметили свою принадлежность к одному народу).

Относительная распространенность русской идентичности в смешанных по составу семьях, на наш взгляд, объясняется нахождением в преимущественно русской культурной среде (Санкт-Петербург) и слабой коммуникацией с диаспорой того из родителей, кто имеет иную этническую принадлежность.

У каждого седьмого участника опроса (14,2%) этническая идентичность вовсе отсутствует (не чувствует принадлежности ни к одному определенному народу). Примечательно то, что оба родителя лиц, обнаруживших отсутствие этнической идентичности, в отличие от них обладают таковой в моноэтнической форме. Можно предположить, что этот тип самоидентификации обусловлен культурным конфликтом между идентичностями родителей. Во всех случаях родители принадлежат к этническим группам, между которыми на групповом уровне существуют негативные установки (отцы — выходцы из Средней Азии, матери — русские или отцы — русские, матери — еврейки).

Вместе с тем отказ от этнической идентичности обнаруживается и в моноэтнических семьях (16,1%), где установки детей во всех случаях зеркально отражают установки родителей — коренных жителей Санкт-Петербурга, имеющих высшее образование (89,7%). Можно предположить, что такого рода отказ отражает либеральную установку определения нации как согражданства, наиболее последовательно проявляющуюся во Франции.

Отношение к своей этнической принадлежности *выходцев из межэтнических семей* заметно отличается от позиции родителей.

Так, около половины представителей младшего поколения независимо от моно- или биэтнической самоидентификации (52,8%) гордятся своей этнической принадлежностью, в то время как немногим меньшее их количество (43,4%) не испытывают по этому поводу особых чувств. В то же время большинство родителей (76,7% отцов и 77,2% матерей) своей национальностью гордятся, а индифферентен к ней лишь каждый пятый родитель (19,8 и 19,0% соответственно).

Неожиданным оказалось то, что в контрольной моноэтнической группе распределение ответов в целом схожее: «дети» чаще выказывают равнодушие к своей этнической принадлежности, нежели их родители. Так, индифферентны к своей идентичности почти половина опрошенных детей (46,6%) и только 21% отцов и 39% матерей. В моноэтнических семьях чувство национальной гордости выражено несколько слабее, чем в смешанных. Вероятно, это связано с тем, что в русских семьях, живущих в городе с преимущественно русской культурой, в целом акцентуация «национальной проблематики» слабее, чем в межэтнических, в которых этнокультурные различия могут влиять на обыденную жизнь семьи, неявно обуславливая и взаимоотношения, и мировосприятие.

Очевидно, что эта установка связана не столько с членством в межэтнической или моноэтнической семье, сколько с принадлеж-

ностью к определенному поколению — условных 25-летних, с одной стороны, и условных 45–50-летних, с другой.

Вместе с тем существует некоторое различие между установками отцов и матерей как в межэтнических, так и в моноэтнических семьях. Этноцентричнее оказались по сравнению с инокультурными «отцами» русские «матери» из смешанных семей и русские «отцы» из моноэтнических семей. Можно предположить, что первый факт обусловлен определенным размыванием этничности у «нерусских» отцов в связи с интеграцией в инокультурную среду, а второй — большей выраженностью этноцентризма у русских мужчин по сравнению с женщинами, если речь идет об этнооднородных семьях.

Ранжирование признаков этнической самоидентификации.

Этническая идентичность как результат процесса этнической самоидентификации формируется за счет ряда признаков, лежащих в основе причисления себя к представителям той или иной национальности. Выяснилось, что в целом представление о значимости отдельных признаков как у выходцев из межэтнических и моноэтнических семей, так и у их родителей (отцов и матерей) схожи, однако существуют и определенные различия. Вопрос формулировался следующим образом: «Как Вы думаете, по каким признакам прежде всего определяется национальность человека»? Респондентам предлагалось произвести ранжирование восьми признаков, исходя из того, что 1 — важнее всего, а 8 — наименее важно (см. табл. 1).

Таблица 1

Предпочтения признаков определения национальности (средний ранг)

Признаки	Дети I*	Дети II	Отцы I	Матери I	Отцы II	Матери II
родной язык	3,4	2,7	2,8	2,7	2,6	3,2
национальность отца	3,4	3,3	2,7	2,7	3,4	4,0
национальность матери	3,7	3,8	3,7	3,4	4,1	4,1
традиции	3,5	4,4	3,7	3,6	3,4	3,9
собственный выбор	4,9	4,9	5,3	5,0	5,2	4,8
религия	5,3	5,4	4,8	5,3	4,6	4,4
внешность	5,0	5,0	6,4	5,9	5,9	5,6
черты характера	6,2	5,5	6,3	6,6	5,7	5,5

*Примечание: здесь и далее I — межэтнические семьи; II — моноэтнические семьи.

По отдельным признакам обращает на себя внимание следующее:

— Родной язык наименее значим для выходцев из межэтнических браков с преимущественно биетнической идентичностью. Их ровесники из моноэтнических семей, напротив, придают этому признаку относительно высокий ранг, так же как и родители, состоящие

как в межэтнических, так и в моноэтнических браках. На наш взгляд, это обусловлено размытостью языкового символического пространства в случае биэтнической самоидентификации.

– Признак национальности отца во всех случаях заметно значимее признака национальности матери (кроме тех, когда это «матери из моноэтнических семей»). Этот факт свидетельствует о патриархатной ориентации респондентов независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности.

– Особую роль традициям чаще придают «дети» из смешанных семей и все родители, чем «дети» из моноэтнических семей; наиболее значимым по всей выборке этот фактор оказался для русских отцов из моноэтнических семей. Можно предположить, что последний факт косвенно обусловлен наличием большего этноцентризма мужчин по сравнению с женщинами, однако он требует дальнейшего исследования.

– Обращает на себя внимание относительно низкое ранговое значение признака «религия». По-видимому, на уровне группового сознания как христиан, так и мусульман (41,3% отцов из межэтнических семей) конфессиональная принадлежность не оценивается как существенный признак этнической самоидентификации, что вступает в явное противоречие с идеологической установкой религиозных институтов. Предположительно на оценку роли религии в содержании этнической идентичности все еще влияет советская социализация «родительского» поколения, которая в несколько усеченном виде продолжает сохраняться и в установочном поведении «детей».

– Внешность как этнодифференцирующий признак получила относительно высокий ранг у выходцев из обоих типов семей, что можно объяснить в целом акцентуированностью молодежи на выделении собственного физического облика в преимущественно однородной антропологической среде «русского» города. Внешняя «инаковость» предположительно не всегда интерпретируется окружающими вне стереотипного контекста «свои» – «чужие», что осознают носители «нетипичной» внешности.

Этноконсолидирующие основания групповой самоидентификации. Важнейшими основаниями консолидации и дифференциации по этническому признаку (оппозиция «мы» – «они») является ряд маркеров, которые позволяют вычленить «своих» в социальной и культурной среде. Участникам опроса были предложены для выбора (число выборов не ограничивалось) следующие маркеры этнической консолидации: родная земля, государство, язык, культурные традиции, религия, история и особенности поведения.

Для всех категорий выборки одно из ведущих мест (первое или второе) заняли *культурные традиции*.

Почти столь же значим *язык* для членов моноэтнических семей («дети» – 82,6%, «отцы» – 63,0%, «матери» – 71,7%). Для членов

межэтнических семей значение этого признака не превышает 52% . Снижение значимости этого маркера у последних обусловлено, с одной стороны, биэтнической идентичностью большей части детей и, с другой стороны, частичным или полным переходом инокультурных отцов на использование русского языка, то есть трансформацией в билингвов. В подобной ситуации языковая идентичность закономерно отходит на второй план.

«Родная земля» оказалась одним из важных маркеров консолидации (первое-третье места) для старшего поколения участников опроса, в особенности для русских отцов из моноэтнических семей (79%). Это, судя по данным наших предыдущих исследований [5, с. 63], наиболее традиционное основание групповой консолидации народа, причем как для русских, так и для представителей других коренных народов бывшего СССР. Так, в нашем исследовании, проведенном в 2011 г., в числе признаков этнической консолидации «родные просторы, земля» занимает первое место (4,6 балла из 5 возможных). Этот факт свидетельствует об устойчивости (2011 и 2017 гг.) доминантных признаков, объединяющих представителей русского народа. Примечательно, что для инокультурных отцов из межэтнических семей этот маркер относительно менее значим (47,1%), что, скорее всего, объясняется частичным отрывом этих участников опроса от национальной «почвы».

У представителей младшего поколения («дети») независимо от моно- или биэтнической идентичности «вес» этого признака снижается до уровня 50%. Таким образом, его значимость обусловлена возрастом — генерационной, а не этнической принадлежностью или типом семьи.

К числу существенных признаков консолидации отнесена и *национальная история* (ее называют около половины респондентов по отдельным подвыборкам), что косвенно свидетельствует о повышении интереса россиян к событиям прошлого как своего рода ретроспекции настоящего, что также фиксировалось нами ранее в контексте исследования 2011 г. [5, с. 92–103].

Менее значим для консолидации, по мнению представителей младшего поколения, такой маркер, как *религия* (от 13% у выходцев из моноэтнических семей до 21,9% у выходцев из межэтнических семей). Для поколения родителей этот признак несколько значимее (в частности, у отцов из межэтнических семей — 33,3%, у матерей из моноэтнических семей — 26%), но тем не менее не достигает уровня значений иных культурных оснований консолидации (традиции, родной язык). Думается, что этот факт требует специального рассмотрения, так как он явно противоречит бытующему представлению о религии как «ядре» национального самосознания не только русских, но и других народов России. Можно предположить, что на низкий ранг этого признака определенное влияние оказало и место проведения исследо-

вания — Санкт-Петербург, традиционно тяготеющий к сдержанному отношению к религии и религиозности [5, с. 81].

В отличие от старшего поколения, у представителей которого маркер «особенности поведения» не превышал уровня 15%, дети придают ему относительно большее значение (выходцы из межэтнических семей — 20,0%; из моноэтнических семей — 41%), что, на наш взгляд, свидетельствует о системном восприятии содержательной структуры этнической идентичности представителями младшего поколения.

Таким образом, несмотря на сходную тенденцию в предпочтении одних признаков другим у представителей всех шести категорий выборки, можно заключить, что в наибольшей степени *оценку того или иного маркера обуславливает возрастная, точнее генерационная, а не этническая (моно- или биэтническая) идентичность.*

Влияние родителей в данном случае не имеет сколь бы то ни было существенного характера. Кроме этого, следует подчеркнуть, что структура и «рейтинг» признаков этнической консолидации русских (на примере Санкт-Петербурга) носит устойчивый, неизменный характер, слабо подверженный изменениям и влиянию внешней социальной среды.

Соотношение этнической и гражданской идентичности участников опроса. Определяющее значение для выявления места этнического и национального самоопределения в системе социальных идентичностей имеет их иерархия в сознании как индивида, так и группы. Респондентам предлагалось провести процедуру ранжирования ряда групповых общностей, к которым они принадлежат, исходя из того, что 1 — первое место (прежде всего), а 5 — последнее место (менее всего). Вопрос формулировался следующим образом: «В какой степени Вы относите себя к каждой из перечисленных ниже групп?» (см. табл. 2).

Таблица 2

Предпочтения групповых общностей (средний ранг)

Признаки	Дети I	Дети II	Отцы I	Матери I	Отцы II	Матери II
петербуржцы	2,3	2,5	2,9	2,1	2,6	3,0
мой народ	2,8	2,7	2,2	2,7	2,4	2,9
православные (мусульмане)	3,7	3,8	3,2	3,3	3,5	3,5
граждане России	2,2	2,1	2,5	2,5	2,1	1,8
европейцы (азиаты)	4,0	3,8	4,1	4,4	4,0	3,7

У всех категорий выборки, за исключением инокультурных отцов из межэтнических семей, гражданская идентичность доминирует над идентичностью этнической, что отличает как «детей», так и «родителей».

Предпочтение «отцами» из межэтнических семей этнического признака (первое ранговое место) по сравнению как с национальной, так и с локальной идентичностями вполне понятно, если иметь

в виду длительность их пребывания в Петербурге и недавнее вступление в российское гражданство либо и вовсе отсутствие такового. Этническая идентичность позволяет им сохранять психологическую и ценностную устойчивость, что не мешает социальной интеграции как таковой. А гражданская идентичность еще в полной мере не сформировалась.

Примечательно, что в соотношении значимости этнической и гражданской идентичности особого влияния на своих детей родители не оказывают.

Конфессиональный ранг во всех случаях уступает по значению как этнической, так и национальной идентичности, что подтверждается данными по маркерам этнической консолидации и признакам определения национальности, представленным выше.

У русских «отцов» из моноэтнических семей по сравнению с их женами и детьми этническое самоопределение превышает и локальную, и конфессиональную идентичность, уступая лишь незначительно гражданской идентичности. Этот факт еще раз обнаруживает большую этническую акцентуированность мужчин по сравнению с женщинами.

Примечательно и то, что только у выходцев из однородных семей ранги конфессиональной и наднациональной (европейской) идентичности оказываются равны. На наш взгляд, это говорит о некоторых ценностных сдвигах в сознании молодежи, требующих дальнейшего анализа.

Важнейшим фактом, обнаруженным в процессе ранжирования составляющих системы социальных идентичностей, является высший ранг гражданской идентичности участников опроса, что свидетельствует о формировании общенациональной идентичности — данные петербургской выборки подтверждают выявленные в последнее время общие тенденции [3, с. 25–36].

Этнические и конфессиональные предубеждения. Этнические предубеждения могут выступать оборотной, негативной стороной этнической идентичности, особенно в случае ее акцентуации. В большинстве случаев респонденты понимают, что неприязнь по признаку принадлежности к той или иной национальности противоречит институциональной норме толерантности. Именно поэтому прямые вопросы, касающиеся наличия этнических предубеждений, редко фиксируют реальное число лиц, имеющих таковые.

Иное дело — проективная ситуация, конкретизирующая наличие этнического негативизма и затрагивающая личную жизнь участника опроса. Выходцев из этносмешанных семей спросили о том, насколько они готовы вступить в брак с человеком иной этнической или конфессиональной принадлежности. А их родителям предлагалось выразить свое отношение к принятию в качестве члена семьи зятя или невестки иной национальности или религии.

Каждый пятый молодой респондент придает значение и национальности (20,8%), и религии (19,8%) будущего супруга. Примерно столько же молодых людей не имеют определенного мнения на этот счет (19,8 и 20,4% соответственно). Преобладают в молодежной среде те, кто к национальности (59,4%) и религии (59,8%) будущего спутника жизни относится с безразличием.

Установки родителей относительно появления в семье зятя или невестки иной национальности и религии в целом схожи с позицией детей. Большинство и отцов и матерей относятся к этой перспективе положительно или нейтрально (78,3 и 75,7% соответственно), что не удивительно, так как они сами состоят в этносмешанном браке. Тем не менее есть и противники такого брачного выбора детей, причем оценка зависит от пола «ребенка».

Так, к появлению невестки иной национальности или религии относятся в целом отрицательно или в зависимости от национальности 21,6% отцов и 24,3% матерей. Зятя другой национальности не хотели бы принимать в семью 28,9% отцов и 34,9% матерей. Подобное различие в восприятии невестки и зятя, на наш взгляд, объясняется патриархальными стереотипами, доминирующими не только в русской, но и в инокультурной среде: в большей степени приспособившись к чужим обычаям семейной жизни придется дочери, а не сыну, у которого больше шансов приучить жену к собственным «правилам жизни».

Какие именно национальности назывались участниками опроса, имеющими этнические предубеждения? Так как и родители и дети перечисляли одни и те же этнические группы, представим их в совокупности.

Ровно половина от числа тех, кто имеет предубеждения против межэтнического брака, назвали народы Средней Азии (узбеков, таджиков, киргизов и туркменов), то есть представителей тех народов, которые появляются в Петербурге в качестве трудовых мигрантов. В эту же группу можно включить такие определения, как «восточные национальности» и «азиатские национальности», «все, кто убирают дворы». За редким исключением их называли русские родители и дети с моноэтнической (русской) идентичностью. Чаше других упоминались узбеки.

Немногим меньше (48,0%) упоминаний относится к народам Кавказа (обобщенное «кавказцы», грузины, армяне, азербайджанцы, чеченцы). Понятие «кавказцы» используют исключительно русские участники опроса; конкретные национальности указывают как русские, так и сами выходцы с Кавказа, их жены и дети. Так, почти все армяне-участники опроса в качестве нежелательного супруга, зятя или невестки называют азербайджанцев. Подобная установка, несомненно, вызвана длительными конфликтными отношениями между этими народами.

Все участники опроса армянской и грузинской национальности имеют предубеждения против мусульман. Не хотят видеть членами

своей семьи мусульман и 45% русских матерей, имеющих как сыновей, так и дочерей (в совокупности 64,7% упоминаний). Выступают против принятия в семью христиан отцы — киргизы и узбеки (23,5%).

Таким образом, в установках ряда респондентов прослеживается не только этнокультурная, но и этноконфессиональная дистанция.

Судя по данным нашего опроса, исчезли предубеждения против евреев. Если в исследовании 2011 г., которое упоминалось выше, негативное отношение к браку с представителем еврейской национальности высказывали примерно 7% респондентов, то спустя шесть лет антисемитские установки полностью отсутствуют, причем как у представителей младшего поколения, так и у их родителей, и не зависят от этнической принадлежности.

Все родители-выходцы из стран ЕС демонстрируют этническую толерантность, хотя их дети проявляют меньшую терпимость, ориентируясь на позицию того из родителей, кто не настолько толерантен, как его супруг. Приведем в качестве примера две семьи.

3. *Отец — немец, мать — русская, у сына биэтническая идентичность (русско-немецкая). Сын не готов вступить в брак с представительницей любого из среднеазиатских народов, мусульманкой, «теми, кто убирает дворы». Мать в качестве невестки примет «только русскую, православную». Отец к браку сына на женщине иной национальности и конфессии относится положительно.*

4. *Отец — русский, мать — финка. У дочери биэтническая идентичность (русско-финская). Отец не хотел бы видеть в качестве зятя мусульманина, а дочь, кроме мусульман в целом, в качестве нежелательного жениха называет также азербайджанца, чеченца и татарина. Мать к браку дочери с мужчиной иной национальности относится нейтрально.*

Однако в большинстве случаев соотношение установок родителей и детей несколько иное:

— у обоих родителей этнические и конфессиональные предубеждения отсутствуют, а у сына (дочери) они есть (43%);

— содержание предубеждений родителей и детей совпадают полностью или частично (29%).

В целом представители младшего поколения («дети») демонстрируют больший этноцентризм по сравнению со своими родителями, что прослеживалось нами и в предыдущих исследованиях по сходной проблематике.

Выводы

Частные выводы

У выходцев из межэтнических семей доминирует биэтническая идентичность. В случае принятия моноэтнической идентичности она совпадает с идентичностью матерей.

В целом влияние у матерей на этническую самоидентификацию детей сильнее, чем у отцов. Это, скорее всего, обусловлено доминированием материнской социализации, свойственной национальной традиции, а также тем, что в большинстве своем русские матери воспитывают детей в русской культурной среде.

Дети как из межэтнических, так и из моноэтнических семей относятся к своей этнической идентичности более индифферентно, нежели родители, большинству которых присуще чувство «национальной гордости».

Для всех категорий выборки, за исключением отцов из межэтнических семей, важнее других являются культурные признаки самоидентификации. Инокультурные отцы в силу большего традиционализма придают особое значение кровному родству.

Основными признаками этнической консолидации для членов как этнически смешанных, так и однородных семей являются культурные традиции и родной язык. Для старшего поколения значим примордиальный признак «родная земля», а для русских отцов — «государство».

Гражданская идентичность для всех участников опроса, за исключением «нерусских» отцов, преобладает над этническим самоопределением.

Этнические предубеждения доминируют над конфессиональными. Адресатами последних относительно чаще выступают мусульмане.

Наличие этнических предубеждений не связано с членством в межэтнической или моноэтнической семье. Примерно треть выходцев из смешанных семей не собираются повторять опыта своих родителей, вступивших в этнически смешанный брак.

Общие выводы

Этническая идентичность доминирует над конфессиональным самоопределением как у православных христиан, так и у мусульман. На наш взгляд, это результат советской (в целом атеистической) семейной и институциональной социализации, которая все еще воспроизводится в постсоветских поколениях. Эта тенденция устойчива и обнаружена нами в исследованиях 2011 и 2017–2018 гг.

Различия между выходцами из межэтнических и моноэтнических семей меньше, чем предполагалось. Это, по всей вероятности, обусловлено воспитанием в единой (русской) культурной среде.

Принадлежность к поколению значимее, чем тип этнической идентичности. Генерационная зависимость выявлялась нами ранее, хотя и в ином исследовательском контексте [6, с. 88–97].

Обнаружена гендерная обусловленность этнической идентичности. Мужчины («отцы»), в особенности русские, в большей степени акцентированы в этническом отношении, чем женщины («матери»). Можно предположить, что это обусловлено усилением идеологизации этнического фактора в социальных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акоста А., Казакова Т.В.* Влияние межэтнического брака на этнокультурную идентичность подростка // Вестник ТГУ. 2012. № 3. С. 166–170.
2. *Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. М.: Аспект-пресс, 1999. — 271 с.
3. *Дробижина Л.М.* Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 25–36.
4. *Кутявина Е.Е., Мальшева С.К.* Разноэтническая семья как среда формирования этнической идентичности личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 2 (18). С. 47–52.
5. *Сикевич З.В.* Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. — 2017 с.
6. *Сикевич З.В.* Динамика «образа» прошлого и настоящего в представлениях петербуржцев // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 88–97.
7. *Сороко Е.Л.* Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. № 4 (4). С. 96–123.

Дата поступления: 03.06.2018.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2019.
VOL. 25. No. 1. P. 121–136. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6282

Z.V. SIKEVICH

St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation.

Y.A. POSSEL

Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russian Federation.

Zinaida V. Sikevich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, St Petersburg State University. **Address:** 1/3 Smolny Str., 191124, St Petersburg, Russian Federation.

Phone: +7 (812) 710-00-77 **E-mail:** sikevich@mail.ru

Yuliya A. Possel — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia. **Address:** 48, Moika Emb., 191186, St Petersburg, Russian Federation. **Phone:** +7 (812) 312-22-28. **E-mail:** afred1964@mail.ru

THE STRUCTURE AND TYPOLOGY OF THE ETHNIC IDENTITY OF MEMBERS OF INTERETHNIC AND MONO-ETHNIC FAMILIES (A COMPARATIVE ANALYSIS)

Abstract. This article is devoted to a comparative analysis of ethnic identity in interethnic and mono-ethnic families on the example of St. Petersburg, and is based on data from a sociological survey conducted in 2017. During the study, members of 106 interethnic families were interviewed and 45 mono-ethnic families were analyzed as a control group. The main conclusions of the study include the following. In interethnic families ethnic identity is established, in the case of a mono-ethnic identity it coincides with the identity of mothers, mostly Russians. In general, the influence of mothers on the ethnic self-identification of children is stronger than the impact of fathers. This is due to the dominance of maternal socialization, inherent in the national tradition, and also because

most Russian mothers bring up their children in the Russian cultural environment. The attitude towards their ethnic identity in children is more indifferent compared to the sense of “national pride” inherent in most parents. For all categories of the sample, with the exception of fathers from interethnic families, cultural signs of self-identification are more important than others. Fathers of different cultures allot special importance to blood kinship. The main features of ethnic consolidation for all survey participants are cultural traditions and the native language. National identity for all survey participants, except for “non-Russian” fathers, prevails over ethnic self-determination. Ethnic prejudices dominate over religious prejudices. In comparison to Christians, Muslims are more rejecting. The presence of ethnic prejudice is not connected with membership in an interethnic or mono-ethnic family, and is most likely due to the personal attitudes of the respondents.

Keywords: identity; mono-ethnic identity; bi-ethnic identity; national identity; interethnic family; ethnic consolidation; ethnic prejudice; blood relationship.

For citation: Sikevich Z.V., Possel Y.A. The structure and typology of the ethnic identity of members of interethnic and mono-ethnic families (a comparative analysis). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 1. P. 121–136. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6282

REFERENCES

1. Akosta A., Kazakova T.V. Influence of interethnic marriage on ethnocultural identity of teenager. *Vestnik TGU*. 2012. No. 3. P. 166–170. (In Russ.)
2. Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. *Emosotsiologiya*. [Ethnosociology.] Moscow: Aspekt-press publ., 1999. 271 p. (In Russ.)
3. Drobizheva L.M. All-Russian identity and interethnic accord as a reflection of the consolidation processes in Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 1. P. 25–36. (In Russ.)
4. Kutyavina E.E., Malysheva S.K. Interethnic family as an environment of ethnic identity formation. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 2010. No. 2 (18). P. 47–52. (In Russ.)
5. Sikevich Z.V. *Etnicheskie paradoksy i kul'turnye konflikty v rossiiskom obshchestve*. [Ethnic paradoxes and cultural conflicts in Russian society.] St Petersburg: Izd-vo SPbGU publ., 2012. 2017 p. (In Russ.)
6. Sikevich Z.V. Dynamics of the “image” of the past and present in the representations of people from Saint Petersburg. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016. No. 3. P. 88–97. (In Russ.)
7. Soroko E.L. Ethnically mixed families in the Russian Federation. *Demograficheskoe obozrenie*. 2014. No. 4 (4). P. 96–123. (In Russ.)

Received: 03.06.2018.
